

Цзи Яо и Фу Ян уплетали угощение за обе щеки. Мысль о том, что в государстве Ци нет и никогда не было хого, наводила на него нешуточную тоску.

Любовь к изысканной еде в своё время пробудила в нём кулинарный талант. Шедевров высокой кухни он, положим, не создавал, но себя прокормить мог. К плите Цзи Яо тянулся редко — лишь в те дни, когда на съёмочной площадке кормили совсем уж несъедобной бурдой. Слава богу, он вовремя вернулся в свой мир, иначе от гастрономического голода точно растерял бы всё величие образа Цзи Яньсина.

— Хун-цзе? Ага, ужинаю. Чего?

Сценаристы ещё не вынесли вердикт, а его уже звали на пробы. Цзи Яо диву давался: почему в последнее время его жизнь несётся вскачь, словно торопится на перерождение?

— Хорошо... Скинь адрес, я завтра приеду.

— Цзяо-цзяо, стряслось чего? — спросил Фу Ян, заметив, как его друг мгновенно сник.

Цзи Яо выглядел таким скорбным, будто он провожал кого-то в последний путь. Уж лучше бы он остался в государстве Ци! Правду говорят: куда ни кинь — везде жизнь полна страданий.

— Хун-цзе зовёт на пробы. Всё перенесли на завтра.

— С чего бы вдруг такая спешка? — Фу Ян удивлённо приподнял бровь.

— Вот и я о том же. Я ведь сроду в исторических драмах не снимался, понятия не имею, справлюсь ли.

— Да брось, завтра всё равно занятий нет, я поеду с тобой. И вообще, Цзяо-цзяо, на себя посмотри! Ты вспомни, на какую роль пробуешься.

— Великого родоначальника Ци... Цзи Яньсина?

— Ну конечно! Да во всём мире никто не знает его лучше тебя — если не считать самого Син-гэ!

А ведь и правда. Он не просто изучал его, он буквально прожил в его шкуре несколько дней! Уверенность мгновенно вернулась.

— И всё же решать режиссёру. Раз это пробы, значит, будут и другие кандидаты.

— Да кого тебе бояться? Ты — Цзи Яо! Любимец бабушек, дедушек, тётушек и нянечек!

Цзи Яо не выдержал и рассмеялся:

— Премного благодарен. Комплимент, конечно, сомнительный, но боевой дух ты мне поднял.

Позже, сидя у себя за письменным столом, Цзи Яо гипнотизировал взглядом девятицветный кубок из глазури.

«И как мне тебя расшевелить?» — пронеслось в голове, пока он разглядывал изящные узоры.

Он похлопал ладонью по гладкой стенке сосуда.

— Волшебный кубок Аладдина, скажи, суждено ли мне завтра утереть всем нос на пробах?

Артефакт хранил молчание. Цзи Яо вздохнул и упрямо повторил:

— Волшебный кубок Аладдина, скажи, суждено ли мне завтра утереть всем нос на пробах?

Снова тишина. Набирая воздух для третьей попытки, он затянул:

— Волшебный кубок Аладдина...

— Суждено, — донёсся из кубка глухой, явно теряющий терпение голос.

— Цзи Яньсин?! — этот тон невозможно было перепутать.

— Я.

— Обалдеть! Мы всё ещё можем общаться? Это же судьба!

— Какая ещё судьба?

Цзи Яо, не скрывая восторга, поспешил расспросить его о возвращении в свои тела и о том, совпали ли их временные рамки.

— То есть мы поменялись местами обратно секунда в секунду? Назад в прошлое тебя не

забросило?

Перед самым возвращением Цзи Яо как раз предавался хмельным беседам с императором Ци под луной, цитируя классиков и теряясь в догадках, какой нынче век на дворе. И стоило ему очнуться в собственном теле, как головная боль улетучилась — вся тяжесть похмелья, судя по всему, перешла по наследству к Цзи Яньсину.

— Как там подготовка к военному смотру? — деловито осведомился Цзи Яо.

— Всё идёт по плану, — Цзи Яньсин, как обычно, не тратил лишних слов.

— Слушай, здорово, что мы на связи. Ты просто супер, Цзи Яньсин!

— Говори прямо, чего тебе надо, — отозвался тот после короткой паузы. Он слишком хорошо выучил повадки своего двойника: если Цзи Яо начинал расточать комплименты, жди подвоха.

— Да понимаешь... Меня тут на пробы позвали. На роль тебя.

— Помню. — Тот действительно был в курсе, как Цзи Яо долго беседовал об этом с учителем Фэном.

— Внешне я, положим, подхожу идеально, благо лица у нас одинаковые, но вот внутреннее наполнение... Тут у меня пробел.

— И что с того?

— Поэтому, Цзи Яньсин, — Цзи Яо выпрямился и принял важный вид, словно собеседник сидел прямо напротив него, — расскажи мне о себе. Ну, подробнее.

— А мне какая с этого выгода?

Цзи Яо задумался. Действительно, а зачем это наследному принцу? Но тут его осенило, и он заговорил вкрадчиво, сгущая краски:

— Ну как же! Твоё величие и репутация Великого родоначальника Ци окажутся под угрозой, если я провалюсь! Ладно я — у меня и лицо твоё, и опыт жизни в твоём теле имеется, да и как твой тёзка я не позволю сценаристам пороть отсебятину. Но ведь на роль претендуют и другие! Мои соперники — знатные мастера дешёвых мелодрам. Из тебя там такого смазливое крашеного хлыща сделают, с подведёнными глазами, пальчики оближешь...

Он, конечно, преувеличивал, но в искусстве манипуляции толк знал.

— О чём именно ты хочешь знать? — сдался Цзи Яньсин. Цзи Яо в очередной раз безошибочно нащупал его уязвимое место.

Цзи Яо на секунду задумался. По сути, Цзи Яньсин был глубоко одиноким человеком. Каким бы высоким ни было его положение, ему некому было открыть душу.

— Расскажи про детство. Про сестру, про отца... Ну и, если не против, про маму. Я кое-что слышал о твоей семье, но хотелось бы из первых уст. Считай это исповедью. Не бойся, мёртвые умеют хранить тайны, а я живу в другом времени, так что я надёжнее любого покойника.

Ради ценных первоисточников Цзи Яо был готов назваться хоть трупом, хоть кем угодно.

Цзи Яньсин лежал на походной кровати в своём шатре, положив кубок на подушку у самого уха. Сосредоточив внутреннюю энергию, он заговорил вполголоса так, чтобы его мог слышать только Цзи Яо. В военном лагере у стен были уши, и раскрывать подобные секреты здесь было верхом безрассудства.

Но на душе у него было слишком тяжело, и ему отчаянно требовалось выговориться. Цзи Яо оказался идеальным слушателем. Впервые за долгие годы принц позволил себе проявить слабость и поддаться чувствам.

Тихий голос звучал прямо в сознании Цзи Яо, заставляя его слушать затаив дыхание. От услышанного у него голова пошла кругом. Ну и семейка в этих императорских дворцах! Отец Цзи Яньсина оказался тем ещё стратегом — безжалостным и хладнокровным.

— Цзи Яньсин, — тихо спросил Цзи Яо, когда тот умолк, — ты ведь в глубине души уже простил отца, да?

Принц ничего не ответил.

— Да ладно тебе, не строй из себя буку. Я же знаю, что простил. Он, конечно, наломал дров и вёл себя порой как последний дурак, но если бы не его защита, ты бы просто не дожил до сегодняшнего дня, не говоря уже о великих свершениях.

Цзи Яньсин словно обнажил душу перед собственным отражением из далёкого будущего. Сейчас он звучал растерянно, как брошенный ребёнок:

— Но мне не нужно было всё это. Я просто хотел, чтобы мама была рядом.

— А ты не думал, — мягко возразил Цзи Яо, — что в то время ты был слишком мал и никак не смог бы её защитить? Твоя мать сделала свой выбор, чтобы сберечь для тебя то, что ты имеешь сейчас. Она любила тебя настолько, что была готова отдать ради твоего спасения всё самое дорогое — даже собственную жизнь. Не поступи она так, ни ты, ни принцесса Минъюэ не

уцелели бы в той бойне.

«Любить — значит отдавать лучшее, не страшась ни мук, ни смерти»

Цзи Яньсин обладал не по годам острым умом и расчётливостью, но оставался, по сути, юношей, едва перешагнувшим порог зрелости. Император Ци, которого он так долго ненавидел, шёл по тому же пути. Отец пытался искупить ошибки молодости и оберегал сына так, как умел. В глубине души принц злился на него, но отчаянно нуждался в родительском тепле.

— В детстве матушка часто говорила: если я буду усердно учиться и добьюсь высот, она сможет с гордостью посмотреть в глаза императрице Чжао и больше ни перед кем не будет склонять голову. — Цзи Яньсин сжал зубы. — Но я подвёл её. Императрицы давно нет в живых, а я так и не смог вернуть матушке её честное имя и даровать посмертные почести, которых она заслуживает.

Его мать пожертвовала собой ради его спасения, и этот долг неподъёмным грузом лежал на его плечах.

— Да сдались ей эти пустые титулы! — фыркнул Цзи Яо. — Моя мама тоже любила завести пластинку в духе «мы не хуже других» или ставить мне в пример соседских отличников. Я в детстве из кожи вон лез, лишь бы её не позорить, но до чужих успехов мне было как до луны. Я ведь далеко не такой гений, как ты. Зубрил ночами напролёт, а всё равно оставался в хвосте класса. Но знаешь, в один день мама посмотрела, как я мучаюсь, обняла меня и сказала: «Пусть другие гордятся оценками своих детей, зато мой сын — самый красивый и весёлый на свете, и ни на какого другого отличника я тебя не променяю. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив». Так что, Цзи Яньсин...

Он выдержал паузу, подбирая слова.

— Всё, что ей было нужно, ты уже сделал. Твоя жизнь, твоя сила и то, каким человеком ты вырос, — вот её главная награда.

Цзи Яньсин молчал, но в его душе словно растаял многолетний ледник, годами сжимавший сердце холодной хваткой.

— Спасибо тебе, Цзи Яо.

— Да ладно, чего уж там. Мы ведь почти братья... то есть, тьфу, мы же оба Цзи Яо. Пустяки! — Он смущённо кашлянул. В конце концов, это принц снабдил его бесценными подробностями для роли. — Это мне стоит тебя благодарить.

— Цзи Яо, — внезапно позвал принц. — На днях я встретил Цзоу Ичэна.

— О, ты видел моего сюэчана? Ну и как он тебе? Настоящий писанный красавец, вежливый и утончённый, правда?

Цзи Яньсин предпочёл проигнорировать этот восторженный поток эпитетов.

— Он вёл себя со мной довольно странно. Будь осторожен с ним.

— Да ладно тебе! Цзи Яньсин, ты слишком долго варишься в своих дворцовых интригах и в каждом видишь врага. Сюэчан Цзоу всегда ко мне со всей душой относился.

— Вот как? И в чём же это выражалось?

— На съёмках он постоянно мне помогал, подсказывал, как лучше сыграть сцену, и утешал, когда режиссёр устраивал мне разнос.

В государстве Ци наивные и доверчивые люди долго не жили. Цзи Яо умудрялся выживать исключительно благодаря природной смекалке и феноменальному везению — в любой другой ситуации его бы уже давно обвели вокруг пальца.

— Внешность обманчива, — сухо обронил Цзи Яньсин.

— Ой, ну всё, разворчался как дед! Ты похлеще моего отца занудствуешь. Лучше сосредоточься на делах государственной важности. Я ради этого военного смотра чуть жизни не лишился, так что смотри не запори мне всё! Эх, вроде оба Цзи Яо, а какие разные. Если бы мне пришлось, как тебе, ежедневно плести интриги и просчитывать каждый шаг, я бы с ума сошёл от тоски.

«Если бы жизнь не прижала к стене, кто бы стал так изощряться?»

Цзи Яо действительно отличался от него, и судьба была к нему гораздо благосклоннее. Но если бы не этот легкомысленный парень, то трагедия, свидетелем которой они стали в Национальном музее, возможно, уже претворилась бы в жизнь.

— Спасибо, Цзи Яо, — негромко повторил принц.

На следующее утро Цзи Яо и Фу Ян, решив не беспокоить Ань Жань, самостоятельно отправились на студию, где проходил кастинг.

У самого входа в павильон они столкнулись с двумя мужчинами.

— Цзи Яо! Как раз вовремя!

Цзи Яо никогда раньше не видел говорившего, но, быстро сопоставив факты с рассказами своего двойника, рискнул предположить:

— Учитель Фэн?

Мужчина кивнул. Цзи Яо облегчённо перевёл дух — угадал.

— Режиссёр Чжоу, посмотрите, — Фэн указал на юношу, обращаясь к стоявшему рядом коллеге. — Это тот самый Цзи Яо, о котором я вам говорил.

— Наслышан. «Народный любимец», верно? — Режиссёр Чжоу Чжэнцзун окинул Цзи Яо оценивающим взглядом. Самому актёру это слащавое прозвище уже давно набило оскомину. — Старина Фэн уши мне прожужжал, расхваливая твой талант. Но предупреждаю сразу: у нас в команде блат не работает. Роли получают только те, кто действительно умеет играть.

Это было не просто замечание, а прямое предостережение. Чжоу Чжэнцзун давал понять, что никакие былые заслуги и связи не помогут заполучить главную роль в столь масштабном проекте, если актёр не выложится на все сто.

— Режиссёр Чжоу, я сделаю всё, что в моих силах.

— Цзи Яо, — Чжоу Чжэнцзун подошёл ближе и многозначительно добавил, — мало просто зазубрить реплики и войти в образ по щелчку хлопушки. Ты должен прочувствовать этого персонажа, понять мотивы его поступков. Только тогда зритель тебе поверит.

Цзи Яо согласно кивнул, хотя до конца не уловил скрытый смысл напутствия — сценарий-то он выучил от корки до корки. Впрочем, после вчерашней ночной беседы с «первоисточником» он действительно стал понимать великого родоначальника гораздо лучше.

Когда они с Фу Яном направились к уборной, тот вдруг ощутимо ткнул друга локтем в бок:

— Эй, Цзяо-цзяо, глянь туда.

Цзи Яо проследил за направлением его взгляда и ничуть не удивился. Предчувствие его не обмануло — на горизонте маячил давний конкурент.

В актёрской среде соперники делят всё: экранное время, рекламные контракты, благосклонность режиссёров и первые строчки в титрах. Отношения между ними редко бывают дружескими, но этот тип вызывал у Цзи Яо исключительно глухое раздражение.

Чу Янь не был выходцем из детского кино, однако стоило Цзи Яо заикнуться о смене амплуа и переходе на более серьёзные драматические роли, как их пути неминуемо пересеклись.

— Ой, надо же, какие люди! Сама «великая звезда Цзи» почтила нас своим присутствием! — ядовито процедил Чу Янь, пользуясь тем, что поблизости не было журналистов и камер. — И вы туда же, в историческую драму метите?

— Да какой из меня великий, — невозмутимо парировал Цзи Яо. — Я обычный скромный актёр, куда мне до вас. Моё дело — тихо работать и учить текст.

— Это ты сейчас на что намекаешь? — Чу Янь пошёл пятнами от злости.

В тусовке все прекрасно знали, благодаря чьей «поддержке» он взлетел на вершину. Его нынешний покровитель обладал огромным влиянием в индустрии, и связываться с Чу Янем мало кто решался.

— Да ни на что, учитель Чу. Я исключительно о себе говорю, — Цзи Яо мило улыбнулся, ничуть не испугавшись грозного вида оппонента.

Чу Янь шумно выдохнул сквозь зубы. Нарвавшись на вежливый отпор, он лишь сильнее разозлился, хотя сам же первым начал эту перепалку.

— Ну держись, Цзи Яо, — прошипел он, сощутив глаза. — Получить эту роль тебе будет очень непросто.

Цзи Яо лишь мысленно вздохнул. Он искренне не понимал, за какие грехи этот павлин постоянно цепляет его. Фу Ян, правда, объяснял всё проще: «Он банально бесится, потому что ты смазливее».

«Эх, Цзи Яньсин, видел бы ты это... Слишком уж я неотразим, прямо беда»

<http://bllate.org/book/20677/2141287>